

Надежда ПТУШКИНА: ЖИЗНЬ ВЫШЕ ТВОРЧЕСТВА

— Ты сейчас жалеешь, что так долго была вне театрального процесса?

— Нисколько не жалею. Напротив, нахожу, что все сложилось невероятно удачно. До меня тогда доходили какие-то отголоски театральных дел, разговоры, что-то в прессе. У меня было впечатление, что драматурги постоянно борются за право писать то, что думают. Отсюда, преувеличенные амбиции, реальные или мнимые обиды; они вынуждены интриговать, искать покровительства, быть в зависимости от сильных мира сего, что-то доказывать, идти на компромиссы или испытывать депрессии, стрессы. У меня очень независимый характер. Человек я деликатный, мягкий, не ищущий конфликтов, но при этом совершенно непосредственный и прямолинейный. Я всегда любила театр, но со стороны зала. С таким характером работать в театре образца 70-х, 80-х годов я бы не смогла. Я люблю покой, стабильность, чтобы вчерашний день был похож на сегодняшний. Всегда остро ощущала, как коротка жизнь, что дети мои подрастают слишком быстро, и буквально каждый час без них считала потерянным. Понимала, что детство должно быть очень счастливым и благополучным. Конечно, и при тяжелом детстве, личность сильная может достичь и социальных высот и благосостояния. Но ощущение счастья, радости простого бытия, всегда будет недостижимо для человека, недополучившего в детстве любви. У меня самой детство было невероятно счастливым. Меня баловали, обожали в большой семье, где я была самой маленькой. И эта любовь заложила в мою личность фундамент стойкости, оптимизма. Все это пригодилось, потому что дальнейшая жизнь сложилась в общем-то во многом драматично: и смерти близких, и периоды нищеты, и тяжелая работа. Но я всегда любила жизнь, сам процесс, каждый прожитый день. И всегда ясно сознавала, что детям нужна спокойная внимательная мама, что раздражительность унижает другую личность, что дети должны научиться принимать жизнь, как радость. Быть драматургом в тогдашнем театре и одновременно матерью в тех социальных условиях, при том, что ни на чью помощь рассчитывать не приходилось, представлялось мне тогда нереальным. Саму жизнь я ценю несоизмеримо выше любого творчества. Я довольна, что моя молодость прошла вне театра. У меня выросли дети. Они здоровы, оптимистичны, трудолюбивы, не конфликтны; они здраво мыслят, в них сильно чувство собственного достоинства и уважения к другой личности; они любознательны, порядочны, рассудительны, не эгоистичны и очень смешливы. Мне всегда с ними комфортно и интересно. Я всегда и во всем могу им довериться и опереться на них. В моем понимании, материнское счастье — высшая ценность жизни.

— И как же все-таки, ты попала в театр? В частности, как удалось тебе опубликовать фрагмент из «Ненормальной»?

— В первую очередь, огромное историческое везение. Идеология рухнула. Ситуация в театре изменилась. И все это было как-то ко времени в моей личной жизни. Дети выросли и стали чувствовать себя уверенно в жизни. У меня появилось свое личное время. Я поняла, что должна много зарабатывать. Я открыла свою фирму и, действительно, стала хорошо зарабатывать. С утра меня всегда ждал отуженный мужем или детьми костюм, начищенная обувь, дома всегда ждал обед и интерес к моим делам.

— А пьесы-то писала?

— А как же? Всегда писала.

— А чего же в театры не показывала, если все так изменилось в обществе и в театре, и в твоей жизни?

— Уже просто по инерции, как я сейчас понимаю. Нужен был какой-то внешний толчок, чтобы эту инерцию остановить. Как-то, между делом, отправила пьесу на конкурс, про который вычитала в какой-то газете. В итоге, меня пригласили на семинар драматургов. Меня пригласили не как участника, а как гостя. То есть, мою пьесу не разыгрывали на сцене, но предоставили возможность прочитать желаемым. Но что поразило, пришел и руководитель семинара Михаил Михайлович Рощин. К пьесе отнеслись доброжелательно и даже восторженно. Гораздо позже, когда уже состоялась премьера «Овечки», и на спектакль обрушилась брань практически со всех газетных страниц, Михаил Михайлович неожиданно выступил опять же на страницах все той же «Экрана и сцены» с огромной статьей, с резкой отповедью всем ханжам и безоговорочно поднял и спектакль и пьесу на небывалую высоту. Я больше и не припомню в нашей печати столь умной, ироничной, аргументированной и восторженной статьи. Ситуация переменялась мгновенно. Бранить

В «ЭС» четыре года назад был опубликован фрагмент из пьесы «Ненормальная». Имя драматурга — Надежда Птушкина — тогда никому ни о чем не говорило. Фрагмент привлек внимание, и театры правдами и неправдами доставали экземпляры пьесы. «Ненормальную» ставили, но других пьес у Надежды не просили. Никому не приходило в голову, что «Ненормальная» вовсе не первая ее пьеса и не единственная. А уже была прожита жизнь обыкновенной советской женщины, жизнь, в которой приходилось очень много работать, растить трех детей, опекал младшего брата, рано оставшегося полным сиротой. Особенным в ее жизни было только одно — она всегда писала, в основном, пьесы, хотя и стихи, и прозу тоже. И написала их около сорока.

Самая Надя никаких попыток показать пьесы в театры не предпринимала. Ну, год можно не предпринимать, ну, два. Но двадцать! Казалось бы, замужем за артистом. Отнес бы две-три пьесы жены в свой театр. Нет, в голову не приходило! А когда начался успех, все в театре стали его спрашивать: чего же ты скрывал?

«Овечку» как-то сразу стало дурным тоном. Сомнительный спектакль превратился в спектакль триумфальный. Но все это произошло только через пять лет после того семинара. Там же я приобрела и еще интересные знакомства, которые на сегодняшний день уже переросли в прочные товарищеские отношения. Одним из фаворитов и звезд того семинара был Саша Образцов, драматург из Санкт-Петербурга. Мне сразу понравился его пьеса, но подойти к нему я постеснялась. Подошел он ко мне сам, из любопытства попросил что-то почитать.

На семинаре меня поселили вместе с Наташей Демчик, выпускницей литинститута, из семинара Виктора Розова и Инны Вишневской. Наташа была совсем юная, и я не думала, что мы подружимся. И вот, спим мы, и вдруг, среди ночи, стук в дверь. Саша Образцов, а с ним Олег Ернев, тоже уже тогда известный драматург. Стали извиняться, говорить, что весь вечер читали мою пьесу, и она им так понравилась, что не дотерпели до утра, пришли высказаться. Сели среди ночи пить чай, болтать, смеяться. И до сих пор и дружим. С годами я все выше и выше ценю Сашу, и как драматурга, и как личность. Он создал в Санкт-Петербурге объединение «Домик драматурга». По-моему, это самое толковое из подобных объединений в стране. Пьесы его участников реально попадают в театральный процесс, идут на сцену. Влияние Саши на это решающее. Но свои личные творческие дела он устраивать не умеет. А драматургия его очень проста и не однозначна; иногда удивительно банальна, а иногда настолько смела и оригинальна, и ярка, что режиссеры и не знают, как к ней подступиться. И в моей жизни Саша сыграл тоже важную роль.

Он отнес кукольную пьесу (к сожалению была потеряна) художественному руководителю театра «Эксперимент» Харитонову Виктору Владимировичу. Харитонову пьеса понравилась, и он предложил читку в театре. Мне все нравилось, читала я с удовольствием и была уверена, что все слушают с восхищением и радостью. Оказалось, не совсем так. И водителю, и рабочим, и прочим пьеса сильно понравилась (кстати, до сих пор мои пьесы в театрах все читают и секретарши, и гардеробщицы и т.п., и среди них я неизменно имею успех). Драматурги высказались солидарно и очень критически. Расстроены Олег и Саша пытались защитить пьесу, но им не внима-

ли. Харитонов промолчал, только попросил оставить ему пьесу. Ровно через год по этой пьесе, в этом театре довольно неожиданно для меня состоялась премьера. Это был март или апрель 1994 года. Спектакль имел зрительский успех.

То лето, после премьеры очень сблизило нас с Виктором Владимировичем и его женой, актрисой Ларисой Пелипенко, превосходной актрисой. Мы гостили у них на даче, ходили вместе за грибами. Мне даже выделили в их доме как бы свой кабинет. Они читали мои пьесы. И новый сезон открылся снова спектаклем по моей пьесе «Ненормальная», написанной в 1991 году. Под влиянием этой прекрасной семьи менялась моя самооценка. Они сразу стали воспринимать меня не как любительницу, а как профессионала. Тогда же они предложили мне провести читку «Овечки», только-только написанной здесь же, на даче. Читку объявили на конец августа, и народу собралось так много, что пришлось перенести ее в другое помещение. Сам Харитонов так трогательно нервничал, что всю читку подслушивал под дверью. Меня попросили читать без перерыва, долго аллодирировали стоя. Спрашивали, почему не показываю пьесы в театры, горячились, доказывали, что меня ждет успех... Я это слушала, и я это услышала. Я и тогда и сейчас высоко ценила и ценю искреннюю похвалу коллег. И этой же осенью я приняла категорическое и очень рискованное решение изменить свою жизнь и заняться драматургией профессионально. Как человек дисциплинированный и любящий в работе порядок, я предварительно продумала свои действия. В принципе, я быстро сообразила, что, если судьбу пьесы решает театр, то и нести ее стало быть надо только в театр. Но вначале почему-то обратилась к полумраму. Решила, что будет эффективнее, если мои пьесы порекомендуют в театры критики. Я пристала к мужу, вспомни знакомого критика, попроси почитать пьесы. Он честно пытался вспомнить, и, когда я уже перестала надеяться, вдруг сообразил — Гена Демин, был у нас недолго завлитом, он и критик, кажется. Немедленно муж звонит Гене. Ошарашенный Гена в воскресенье должен выслушивать от едва знакомого артиста, что мол, жена пишет пьесы, не может ли он их почитать.

Нервно выбираю пьесы, хватаю такси...

Ничего не значащий короткий разговор, но Гена очень доброжелателен. Дня через два

звонит сам. Прочел, понравился, но что с ними делать, не знает. В Москве показывать бесполезно, современные пьесы вообще не читают, но он будет думать. Через месяц звонит: придумал. Надо опубликовать отрывок в «Экране и сцене». Сам выбирает отрывок, и довольно быстро его публикуют. И сразу мне много звонков, заинтересованных, доброжелательных. Я как бы легализовалась в театре. Больше я к критикам не обращалась, я понесла пьесы в театры. Я до сих пор ражена, с какой доброжелательностью отнеслись ко мне все, с кем я столкнулась при первых шагах. Завлито Анатолий Маркович Митников и Александр Николаевич Хомутовский по собственной инициативе сделали столько по распространению моих пьес на периферии, сколько не всякий агент сумеет. После премьеры «При чужих свечах» многие критики просили у меня пьесы и очень сильно и широко их пропагандировали. Ира Василинина, Виктор Каллиш, Ирина Мягкова... много, очень много, но критика — это вообще особая тема, большая и отдельная.

— Ловлю тебя на слове. В другой раз поговорим о критике. Прошло пять лет с той первой премьеры в Санкт-Петербурге и меньше четырех лет с первой премьеры в Москве. В Санкт-Петербурге, в хороших театрах уже поставлено семь спектаклей по твоим пьесам, с участием звезд. В Москве состоялось тоже семь премьер, в этом сезоне ожидаются еще три премьеры, где-то в апреле в театре Моссовета Леонид Хейфец приступает к репетициям твоей новой пьесы, на периферии и бывших СНГ по несколько премьер в неделю. О тебе пишут, спорят, говорят, тебя обожают, ненавидят. С тобой сравнивают. Как ты сама ощущаешь свою популярность?

— Мне кажется, никак. Почти всегда сижу дома и работаю. Я такая домашняя женщина, я не люблю выходить из дома и больше всего на свете люблю писать пьесы.

— Позволь тебе не поверить. Ты едешь в другие города. Тебя встречают там начальство, корреспонденты, тебя селят в люксы лучших гостиниц, у тебя интервью, прямые эфиры, с тобой знакомятся мэр, на твой спектакль является местная элита... Практически, у тебя не было провалов... Всякий спектакль — шлагер. К тебе подходят зрители, благодарят. Преподносят подарки.

— Кстати, материально ценные подарки я не приняла ни разу. Либо я их оплачиваю, жестко настаиваю на этом, либо отклоняю. У меня с театрами не только дружественные, но и деловые, и финансовые отношения. И, если бы я принимала подарки, то это сделало бы меня зависимой, чего я допустить не могу.

— Но, если все это не популярность, то что это?

— А в Москве никакого особенного внимания я к себе не чувствую.

— Ну, это не так. Больше ходи по тусовкам, почувствуй.

— А меня не приглашают. Я ведь ни с кем из театральной среды так до сих пор и не знакома, кроме тех, с кем работала.

— Но говорят о тебе много. Вот сижу у тебя дома — кошки — целых восемь!, собака, дети. Всего как-то очень много. И все так спокойные, благополучные, набалованные.

— Так и они меня все балуют!

— Наш разговор все время прерывался телефонными звонками. Звонили из Гомеля — жалели, что Надежда не смогла приехать на премьеру впервые поставленной пьесы «Аргентинское танго «Ревность». Следующий звонок — из Киева. С огромным успехом прошла там недавняя премьера пьесы «Приходи и уводи», названной «Развод по-русски». На премьеру присутствовал Леонид Кучма и очень высоко оценил работу театра. А сейчас Михаил Резникович выпускает пьесу Птушкиной «Пизанская башня» и приступает к следующей — «Ненормальная», так как хочет, чтобы в театре была трилогия по пьесам Птушкиной. Михаил Резникович одним из первых разглядел талант Птушкиной и пообещал, что пьесы ее обязательно поставит, пригласил в Киев ее, никому неизвестного драматурга. А в частном театре Киева в эти же дни состоялась премьера спектакля по пьесе «Пока она умирала».

Надежда собирается в Самару, где будет сама ставить свою пьесу «Ненормальная» в Академическом театре драмы. В конце 1998 года она уже выступила как режиссер собственной пьесы — в Русском театре в Таллине поставила «Пока она умирала». Пьеса идет с аншлагом.

А пока Надежда Птушкина закончила три новых пьесы и уверена, что сезон у нее «пролетел» — работала мало.

Беседовала Валентина ФЕДОРОВА